

Л. Т. КИЛЕВАЯ

БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ г. МОГИЛЕВА

Целью данной статьи является описание специфических для русской разговорной речи могилевской интеллигенции фонетических явлений, обусловленных влиянием белорусского языка в его литературной и диалектной разновидностях. Проникновение белорусскоязычных элементов в русскую разговорную речь города Могилева на уровне фонетики обусловлено прежде всего отличиями в артикуляционной базе белорусов и русских и своеобразием фонемного состава близкородственных языков.

Значительному воздействию белорусских диалектов подвергается произношение безударных гласных неверхнего подъема, которые в первой и второй предударных позициях после твердых согласных реализуются главным образом по принципу диссимильативного аканья: ст[а]йт, хв[а]лила, к[а]ртошечки, п[а^ъ]жалуйста¹, с[а^ъ]лат, б[а^ъ]льш^ая, п[ачи]му, н[ап'и]сала, м[а^ъга]зін, х[а^ъла]дина.

Влияние белорусского диалектного произношения отмечается после мягких согласных в позиции первого и второго предударного слога и в ударной позиции. В данных позициях произносится звук [а], если ударный гласный «не а», и звук [и], если под ударением [а], что характерно для диссимильативного яканья: об[и]вление, [йа]зык, [п'а]тно, [р'а]бина, пог[а]нуть, ме[с'а]ца, вы[р'а]дилась, но[ч'и]вать, [в'и]зать, в[з'и]ла.

Характерным для русской разговорной речи могилевской интеллигенции является произношение [у] в первом заударном слоге в окончаниях глаголов третьего лица множественного числа второго спряжения: кле[и]ут, хо[д'у]т, стр[о]ют, па[р'у]т-ва[р'у]т. То обстоятельство, что русская разговорная речь города Могилева испытывает в данном случае влияние белорусских диалектов, подтверждают данные исследований восточной части Могилевщины, в соответствии с которыми отмечается произношение ходз'уц', нос'уц', прос'уц', куруц'².

Как известно, специфической особенностью разговорной речи жителей русских городов является стяжение гласных при зиянии. Для находящихся рядом гласных фонем, близких или идентичных по артикуляции, <а> и <о>, <о> и <о>, в ряде случаев характерно «стяженное произношение с [Λ]»³. В русской разговорной речи белорусов при стяжении гласных закономерно удлинение гласного [Λ] в [а]. Стяжение в их речи затрагивает большее количество слов и звучание осуществляется по принципу диссимильативного аканья: з[а]стричь, н[а]дной, н[аткры]вали, в[а^ъбра]жает.

Довольно часто в русской разговорной речи могилевской интеллигенции происходит стяжение гласных <э> и <и>, <э> и <о>. На месте сочетания **еи** прослушивается гласный [и]: н[и]моверный, н[и]збежно, н[и]злечимый, сочетание **ео** оформляется как [и]: н[и]бязательно, пер[и]-формили, н[и]бходимо, н[и]куратный.

Такое явление отмечается в большинстве говоров Белоруссии, в которых зафиксировано стяжение одинаковых по качеству гласных (да аднаго → да днаго, на аб'ёд → на б'ёд, паадрыва́ла → падрыва́ла) и ассимиляция одного гласного другому при стечении неодинаковых по качеству гласных с дальнейшим стяжением их в один слог (н'е адно → н'а дно, скажу адно → скажу дно). Сказанное позволяет предположить, что довольно широкое распространение стяжения гласных при зиянии в речи могилевской интеллигенции связано с влиянием диалектного языкового окружения.

Как тенденцию, противоположную стяжению гласных при зиянии, следует отметить развитие вставочного согласного [й] между двумя гласными, последующий из которых [и] или близкий к нему звук [ь]: кр[о]й[ь]т, м[о]й[ь]шь, весе [л'э]й[ь]т. Следует оговорить, что как возможное «и-неслоговое» отмечается в русской речи при полном стиле произношения. Однако наиболее характерным для русской речи в этом положении является «нуль звука», т. е. полное отсутствие особой артикуляции. В русской разговорной речи белорусской интеллигенции вставочный согласный [й] отмечается последовательно. Это явление характерно и для белорусского языка. Поэтому логично предположить, что последний и оказывает влияние на русскую разговорную речь интеллигенции города Могилева. По этой же причине в речи наших информантов произносится в абсолютном начале слова перед ударным гласным [и] протетический согласный звук [й]: [й]м, [й]гры, [й]стина. Основанием для такого заключения послужили данные белорусского литературного произношения, где в начале слова под ударением перед [и] развивается согласный [й]: [й]н'ей, [й]скры. Кроме того, в начале слова после слога, оканчивающегося на гласный, возможно произношение гласного [и] как [й]: пошла [й] взяла, красную [й]кру.

Специфической особенностью консонантизма русской разговорной речи белорусского города является отсутствие ассимиляции по глухости/звонкости звонкого согласного в положении перед глухим в середине слова и произношение звонких согласных в абсолютном конце слова. Так, для некоторой части наших информантов характерно следующее произношение: во[дк]а, ду[б] такой, Со[ж] там, сне[ч] пошел, сейчас тру[д], арбу[з] купила. Как свидетельствуют сопоставительные данные, описываемое явление распространяется на большинство согласных звуков и связано с подобным произношением звонких согласных у носителей северо-восточных говоров Белоруссии (ср. в диалектном употреблении: [хл'эб], [гóрад], [кáзка])⁴. В большей степени сохранение звучности характеризует звук [в]: в а[вт]обусе, во [вт]орник, [вч]ера, [вп]ереди, со[вс]ем, сли[вк]и, наставили альбомо[в]. Это произношение обусловлено двумя причинами. Во-первых, сохранение звучности [в] связано с его специфичностью в белорусском языке, где он является более сонорным⁵. Во-вторых, сохранение звука [в] перед глухим согласным и на конце слова происходит под влиянием звука [у], который является реализацией фонемы <в> в вышеуказанных позициях в белорусском языке⁶. Звук [у] спорадически отмечается в речи наших информантов: часо[у], на морко[у]ку, сли[у]ки.

Устойчивостью и употребительностью отличается в русской разговорной речи могилевской интеллигенции фрикативный звук [ч]: дол[ч]о, от[ч]ул, [ч]удит, [ч]ерой, [ч]уляйте, [ч]орячка, ле[ч]ла. Только фрикативный звук [ч] отмечается, по нашим наблюдениям, на конце слова в случае отсутствия оглушения конечного согласного: (О передаче) «Вокру[ч] смеха», твой дру[ч].

При позиционном чередовании по глухости/звонкости в соответствии с [ч] фрикативным либо с [г] взрывным в наших записях преимущественно фиксируется звук [х]: творо[х], пиро[х], универма[х], завма[х]. Указанное произношение также определяется воздействием белорусского языка.

Вариативность согласных звуков в русской разговорной речи белорусов, обусловленная расхождением в способе образования в русском и белорусском языках, обнаруживается также при реализации фонем <т'> и <д'>, но значительно реже. Как показывает звуковой анализ, фонема <т'> перед гласными переднего ряда может звучать как [ц']: [ц'э]лом, встре[ц'и]ть; а фонема <д'> как [дз']: [дз'э]рево, [дз'и]карь, к дя[дз'э]. Отмечая явление цеканья и дзеканья в русской речи белорусов-минчан, Л. Т. Выгонная справедливо связывает его с влиянием белорусского языкового окружения и объясняет более ярко выраженной мягкостью согласных в белорусском языке, «в результате явной аффрикативности взрывных и потери зубного характера фрикативными и взрывными»⁷.

Оппозиция мягкости/твердости согласных порождает некоторую вариативность в употреблении согласных звуков, белорусского [ч] твердого и русского [ч'] мягкого. Произношение твердого [ч] отмечается лишь в речи лиц старшего поколения (старше 45 лет): хо[чы]т, сна[ча]ла, книже[ч]ку, п[чо]лы, по[чэ]му. Иногда в наших записях прослушивается полумягкий звук [ч]: [чы]рез, симпати[ч]ный, ни[чы]го. Это, как нам думается, свидетельствует о стремлении говорящего, ранее произносившего твердый звук [ч], перейти к произношению мягкого [ч'].

На месте фонемы <ш'> в наших материалах достаточно последовательно прослеживается звуко сочетание [шч'], последний из компонентов которого является мягким, в отличие от звуко сочетания русского языка, которое включает два мягких согласных [шч']. Звуко сочетание [шч'] фиксируется главным образом перед гласными непреднего ряда: е[шч'о], очереди[шч'а], ра[шч'о]ска, и[шч'у]. Оно близко к белорусскоязычному звуко сочетанию [шч], которое отмечается в наших материалах значительно реже: вооб[шчэ], распро[шча]ться, му[шчы]на, пыли[шча].

Произношение твердого звука [р] в русской разговорной речи белорусской интеллигенции обуславливается отсутствием оппозиции мягкости/твердости данных звуков в белорусском языке и встречается в основном в речи мужчин, а также женщин в возрасте 45 лет и старше: уч[рэ]ждение, посмот[ру], [рэ]шен, календа[р], п[ры]чина.

Специфической фонетической особенностью русской разговорной речи белорусов является прослушивание твердых губно-губных [б], [п], [м] и губно-зубных согласных [в], [ф] на конце и в середине слова. Это характерно для белорусского литературного языка, например: [с'ам'я], [голуп], [с'ем]. Как показывает анализируемый материал, степень употребительности твердого или мягкого губного согласного зависит от позиции его в слове. Преобладание произношения твердого согласного последовательно прослеживается в середине слова перед последующим мягким согласным: се[м'я], [п'я]ный, не упря[мс'а], поста[вт'э], восе[мд'и]сят. В абсолютном конце слова звучание твердого согласного обнаруживается гораздо реже: поздра[в], се[м].

Среди других фонетических явлений русской разговорной речи интеллигенции города Могилева следует отметить обязательное проявление так называемой вокалической прокладки в сочетании «согласный шумный + сонорный» в позиции конца слова: бино[кал'], ру[бал'], Дне[пар], спекта[кал'], сентя[бар'], семес[тар], оркес[тар]. По наблюдениям А. А. Реформатского, вставочный гласный в потоке разговорной речи русских жителей является редуцированным по своему звучанию и отличается факультативностью⁸. На основании данных, которыми мы располагаем, в русской разговорной речи белорусов вокалическая прокладка представляет собой гласный полного образования и фиксируется постоянно. Это связано с таким явлением белорусской фонетики, как нехарактерность сочетаний «шумный согласный + конечный сонорный» (сябар).

Из просодических явлений русской разговорной речи белорусской интеллигенции г. Могилева укажем на некоторые особенности ритмической организации. С целью сопоставить ритмическую организацию рус-

ской разговорной речи белорусов и жителей русских городов были проанализированы записи текста общим объемом в 3000 слов. Определив ритмическое строение каждой фразы, мы подсчитали количество безударных слогов в начале фонетической фразы (до первого ударения), в конце (после последнего ударения) и в середине (от ударения до ударения). Такая методика была выбрана потому, что именно таким путем была установлена ритмическая организация разговорной речи жителей русских городов⁹.

Как свидетельствуют сопоставленные данные, распределение слогов на ударные и безударные в середине фразы в разговорной речи белорусов и русских имеет некоторые отличия. Так, в наших записях в большей степени отмечается стечение двух ударных слогов. Полученный нами показатель почти вдвое больше соответствующего показателя в разговорной речи русских (7 %) и составляет 12,5 % всех междуударных интервалов. Значительно чаще в разговорной речи могилевской интеллигенции встречается интервал в один безударный слог (ср.: 40,5 % в речи белорусов и 34 % в речи русских). В то же время ниже показатель междуударного интервала в 3, 4, 5 безударных слогов (ср. соответственно в речи белорусов и русских в 3 слога — 13 % и 19,5 %, в 4 слога — 3 % и 6 %, в 5 слогов — 0,7 % и 1,3 %).

Малоизученность белорусской просодики не позволяет установить причины некоторых различий в разговорной ритмике белорусов и русских. Вместе с тем они проясняются при обращении к темповым показателям русской разговорной речи белорусской интеллигенции и жителей русских городов. По нашим подсчетам, средний темп произношения первых в условиях непосредственно-бытового общения колеблется (в зависимости от информантов) от 11 до 13 зв./с. В разговорной речи русских этот показатель значительно выше и колеблется в пределах от 16 до 18 зв./с. Средняя длительность звука последней соответственно составляет 62,5—55,6 мс.¹⁰ Средняя же длительность звука русской речи белорусов, по подсчетам Л. Т. Выгонной, составляет 69—80 мс либо на 8—15 мс больше, т. е. «темп русской речи белорусов-билингвов регулярно оказывается или таким же, каким он был в их белорусской речи, или несколько замедляется»¹¹.

Медленный темп речи могилевской интеллигенции препятствует потере словесного ударения ряда слов фонетической фразы, значительной их редукции, что ведет к увеличению в ней ударных слогов, а следовательно, числа междуударных интервалов в 3, 4, 5 слогов: В Петродворце мы не были/там жа щчас закрыт он; Отправил он детей в школу¹².

Другая причина, обуславливающая своеобразие ритмического рисунка в разговорной речи белорусской интеллигенции, кроется, надо полагать, в особенностях словесного ударения, связанных с влиянием белорусского языкового окружения. Так, устойчивостью в произношении отмечаются двусложные существительные с переносом ударения на первый слог: ремень, щавель, снежки, щипцы в соответствии с нормативным, но отмечаемым реже произношением: ремень, щавель, снежки, щипцы.

Перенос ударения с конечных гласных на начальные фиксируется при произношении некоторых глаголов в инфинитиве: начать, кроить, облёгчить; глаголов прошедшего времени женского рода: начала, брала, поняла, нарвала, умерла, восприняла, взяла, врала, была.

Можно предположить, что отмеченные особенности ударения слов в постпозиции к одно- и двусложным словам в некоторой мере способствуют увеличению в русской разговорной речи белорусов количества стечения двух ударных слогов и интервалов в один слог в середине фонетической фразы: Она в^драла вам все время; Вчера была ты? Я взяла уже; Последний билет забрала; День снежки лепили; Подай вот щипцы; Надо кроить.

Итак, в русской разговорной речи могилевской интеллигенции обнаруживаются некоторые белорусскоязычные фонетические черты. Выявление отклонений от литературных норм русского языка важно для повышения культуры русской разговорной речи в условиях русско-белорусского двуязычия.

¹ а^с — обозначение звука среднего или ниже-среднего подъема нелабиализованного.

² См.: Крывіцкі А. А., Падлужны А. І. Фанетыка беларускай мовы.— Мінск, 1984. С. 160.

³ Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1984. С. 107.

⁴ См.: Беларуская граматыка. Мінск, 1985. Ч. I. С. 46—47.

⁵ См.: Выгонная Л. Т. Фонетические особенности русской речи в Белоруссии // Русский язык в Белоруссии. Минск, 1985. С. 151.

⁶ См.: Крывіцкі А. А., Падлужны А. І. Указ. раб. С. 148.

⁷ Выгонная Л. Т. Указ. раб. С. 136.

⁸ См.: Реформатский А. А. Слоговые согласные в русском языке // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971. С. 207.

⁹ См.: Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983. С. 12.

¹⁰ Русская разговорная речь: Фонетика... С. 54.

¹¹ Выгонная Л. Т. Указ. раб. С. 157.

¹² Знаком " отмечаются главноударные слова во фразе; знаком ◌ — безударность слов.

Е. В. ЗАРЕЦКАЯ, М. Н. ПЕТРОВА, А. А. МЕТЛЮК
**РЕОРГАНИЗАЦИЯ ВРЕМЕННОЙ СТРУКТУРЫ
РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ФРАЗ
ПРИ ИЗМЕНЕНИИ ТЕМПА РЕЧИ**

В просодической системе языка объективно выделяется темпоральная подсистема, которая в свою очередь расчленяется на подсистемы темпа, паузации и темпоральных структур¹. Последняя входит в сложную систему ритма. Темпоральная подсистема плана выражения языка определяет идентичное для данной языковой общности употребление и восприятие ритмических структур и временную протяженность языковых единиц².

Минимальной единицей темпоральной подсистемы языка является длительность слога, формирующая более сложные интегративные единицы системы — временные структуры слов (ритмических тактов) и фраз. Длительность составляет просодический элемент слога как языковой единицы, выступает как квант, определяющий темп речи и служащий ее ритмизации. В абсолютных акустических значениях длительности различных типов слогов проявляются межъязыковые различия во временной организации речи.

В статье излагаются результаты экспериментально-фонетического исследования реорганизации временной структуры фразы при изменении темпа речи в двух близкородственных славянских языках — русском и белорусском. Материалом для проведения исследования послужили простые распространенные повествовательные и побудительные высказывания в произнесении двух носителей русского и двух носителей белорусского языка — всего 522 реализации для каждого языка. Фразы произносились в трех темпах: умеренном (среднем), быстром и медленном. Эталонном для сравнения временных изменений на отдельных участках фразы при ускорении и замедлении был умеренный темп. Изучались модификации длительности главноударного (ядерного) слога фразы, полноударных неядерных и безударных слогов (предударных и заударных). Величина уменьшения/увеличения длительности слогов при модификациях темпа определялась на сегментах идентичного звукового состава, что исключало влияние ингерентных свойств звуков на временную организацию слогов и их последовательностей.

Анализ изменения длительности **главноударных слогов** русских и бе-